

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

**ТЮРКСКИЕ
И
МОНГОЛЬСКИЕ
ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ**

**Текстологические
и культуроведческие
аспекты
исследования**

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1992

Т. Ю. ЕВДОКИМОВА
ДЖАТАКИ АРЬЯ ШУРЫ
В МОНГОЛЬСКОМ СБОРНИКЕ СКАЗОК XIX в.

Начиная со второй половины XVI в. активизируется переводческая деятельность монгольских книжников, стремившихся к распространению произведений тибетской письменной традиции. Этот процесс был связан с ростом значения буддизма в Монголии, с популяризацией его философских и этических установок. Одно из ведущих мест в ряду переводов заняли так называемые комментарии (тиб. 'grel-pa; монг. тауилбури) к канонизированным буддийским сочинениям, представляющие собой сборники сказок, рассказов и притч. Широко распространенный в тибетской и монгольской средневековой литературе жанр комментариев имел целью разъяснить морально-этические наставления, содержащиеся в религиозных проповедях и стихотворных дидактических трактатах. Такие нравоучительные трактаты составлялись в Тибете по образцу санскритских этико-дидактических сочинений, известных под общим названием "нитишастры" (наука разумного поведения, наставления в этике и политике) [2, с. 83]. Нитишастры оказали большое влияние на художественное творчество не только тибетцев, но и монголов и бурят, поскольку этическое учение буддизма в них излагалось в форме, доступной для восприятия широкими народными массами.

Обычно каждое четверостишие нитишастры состоит из поучения и ссылки на сказку, которая, по мнению автора, наиболее соответствует идее, заложенной в поучении. К подобным сочинениям и писались комментарии, в которые вошли сказки, рассказы и притчи, раскрывающие намеки на известные сказочные сюжеты.

В средневековом Тибете буддизм определял практически все аспекты духовной культуры: от литературы и искусства до естественнонаучных представлений. Однако наряду с буддийской в народе существовала и развивалась фольклорная традиция, искаженная во многом позднейшими буддийскими наслоениями [5, с. 191-229; 6, с. 163-205]. Параллельное существование этих двух линий развития духовной культуры, возможно, и породило смешанный литературный жанр "двух правил" (тиб. lugs gnyis; монг. qoyar yosun, qoos yosun). В сочинения этого жанра наряду с буддийскими догмами, ориентированными на членов монашеской общины, включались и правила поведения для мирян, не связанные непосредственно с буддийской этикой.

В середине XVI в. тибетский ученый Панчен Соднам Дагва написал "шастру, исследующую мудрость и глупость, — гелугпаскую субхашиту, именуемую „Букет белых лотосов". Эта шастра полемизировала со знаменитой "Субхашитой" Сакья-пандиты Гунга Джалцана, написанной в первой полови-

не XIII в. В начале XIX в. шаstra Соднам Дагвы была дополнена комментарием "Луч солнца", написанным тибетским вероучителем Аджа Ендзином. В 1853 г. "Луч солнца" был переведен на монгольский язык бурятским ламой Г.Ж. Дылгыровым (монашеское имя Агван Лобсан Галсан Джинба), который в 1867—1868 гг. заново отредактировал свой перевод и издал его под первоначальным названием шастры. Однако использование старого названия лишь формально сближало, по сути дела, новое сочинение с шастрой Панчен Соднам Дагвы. Упростив язык наставлений и сократив этические и философские рассуждения, Дылгыров объединил шастру и комментарий в единое сочинение. В новой редакции повествование было разделено на восемь глав и каждая из них была оформлена в виде самостоятельной книги. Каждая глава, в свою очередь, подразделялась на семь параграфов со сквозной (через весь текст) нумерацией. Такое членение текста связывало главы между собой и объединяло сочинение в единое целое.

Каждый параграф начинается кратким догматическим изречением, играющим одновременно роль заглавия. Этот прием позволяет автору добиться значительной компактности сочинения, являющейся одной из отличительных его особенностей. Каждое изречение иллюстрируется двумя четверостишиями, которые, в свою очередь, поясняются притчами, раскрывающими их смысл. Важным композиционным принципом является принцип оппозиции примеров: в каждом параграфе противопоставляются поступки мудрых и глупых живых существ в различных ситуациях. Композиционную стройность произведению придает единая начальная аллитерация каждой пары четверостиший, которая строго выдерживается во всех пятидесяти шести параграфах.

При изучении текста выяснилось, что не все четверостишия иллюстрируются сказками, которых насчитывается в сборнике 76. В двух других сочинениях, относящихся наряду с "Букетом..." к важнейшим памятникам монгольской дидактической литературы жанра комментариев, — в комментариях к "Капле, питающей людей" и к "Субхашите", — содержится соответственно 42 и 69 сказочных сюжетов.

В работе монгольского ученого Д.Ендона [3], посвященной изучению комментариев к "Капле..." и к "Субхашите", называется около десяти важнейших сочинений индийской и тибетской буддийской литературы, составляющих сказочный фонд — общий для всех трех названных выше сочинений. Среди них одно из наиболее популярных произведений индийской буддийской литературы — "Джатакамала" ("Гирлянда джатак") Арья Шуры (V—VI вв.). Как установил Д.Ендон, "Гирлянда джатак" представлена в комментарии к "Капле..." одним сюжетом: дж. № 28 "О Кшантивадине" [3, с. 111—112], а в комментарии к "Субхашите" — тремя: дж. № 31 "О Сутасоме" [3, с. 190—191], дж. № 24 "О Великой обезьяне" [3, с. 222], дж. № 26 "Об олене руру" [3, с. 223—224]. По нашим подсчетам, в "Букете..." содержится 13 сюжетов из "Джатакамалы", в число которых входят четыре названных выше. Таким образом, девятью оставшимися джатаками явля-

ются следующие: № 6 "О зайце" [1, с. 61-69], № 9 "О Вишвантаре" [1, с. 93-113], № 10 "О жертве" [1, с. 113-121], № 14 "О Супараге" [1, с. 139-148], № 16 "О птенце перепела" [1, с. 152-155], № 19 "О лотосовых стеблях" [1, с. 166-175], № 22 "О лебеде" [1, с. 191-208], № 27 "О Великой обезьяне" [1, с. 246-253], № 34 "О дятле" [1, с. 317-322].

Известно, что при переносе на новую почву сказочные сюжеты претерпевают определенные изменения. Возникает вопрос, как именно происходил процесс адаптации монголами индийских сюжетов.

Прежде всего, сравнивая джатаки в "Джатакамале" и их интерпретацию в "Букете...", представляется целесообразным обратить внимание на то, что в "Букете..." по сравнению с "Джатакамалой" логическая связь между начальными нравочениями и самими сюжетами прослеживается более четко. Например: 12-й параграф "Букета..." начинается следующим четверостишием:

В силу того что обет чист,
У мудрых все желания сбываются.
Взгляните, как у слабого птенца куропатки
Родилась святая мысль, которая погасила сильный пожар

[4, гл. 2, л. 9а].

Этот тезис иллюстрируется историей о том, как бодхисаттва, возродившись в облике птенца куропатки, соблюдал обет не убивать живых существ, т.е. не ел насекомых, и сумел поэтом силой своих слов остановить лесной пожар.

В "Гирлянде джатак" этому же сюжету (дж. № 16 "О птенце перепела") предпослано следующее нравочение: "Даже огонь не в силах осилить слово, проникнутое правдой. Помня об этом, должно всеми силами стремиться говорить правду" [1, с. 152]. Учитывая то, что в тексте джатаки слова бодхисаттвы приобрели силу благодаря данному им обету, связь между нравочением и сказкой прослеживается довольно легко. В то же время правдивость бодхисаттвы в тексте джатаки никак не отмечена, и связь между нравочением и джатакой, возможно понятная индийцу, не была очевидна для монгола.

Сказки в "Букете..." намного короче, чем в "Джатакамале", прежде всего за счет исключения из монгольского текста многих стихов-гатх¹. Следует упомянуть и о том, что редактирование текста джатак, рассчитанное на более полное их понимание в Монголии, несомненно, потребовало от составителя устранения индийских реалий, малопонятных монгольскому читателю или слушателю. Так, например, в уже упомянутой джатаке № 16 "О птенце перепела" указывается, что бодхисаттва "жил только зернышками травы, пло-

¹ Г а т х и — метрическая часть буддийских сутр. Стихотворные строфы, приписываемые самому Будде.

дами индийской смоковницы и тому подобной пищей" [1, с. 152–153]. В "Букете..." же сказано только, что "он ел семена травы и плоды дерева" [4, гл. 2, л. 96]. Увещевая огонь в "Гирлянде джатак", бодхисаттва говорит: "Ты видишь: здесь угощенья нет, достойного тебя. Поэтому тебе прилично, Агни², отсюда повернуть назад" [1, с. 154]. В монгольском тексте Агни не упоминается:

У меня нет ничего, чем угостить тебя.
Тебе, пожар, следует утихнуть,
Услышав эти мои праведные слова!

[4, гл. 2, л. 10а]

Далее, составитель "Букета..." практически отказывается от всевозможных описаний, которые в санскритском тексте обильно насыщены эпитетами. Например, в тексте джатаки "О птенце перепела" около тридцати эпитетов, а в соответствующей сказке "Букета..." — тринадцать. В джатаке "О дятле" также около тридцати эпитетов, в аналогичной сказке "Букета..." — всего восемь. (Мы не учитывали эпитеты, которые содержатся в санскритском тексте гатх.)

Сравним два фрагмента. В сказке о птенце куропатки пожар описывается так: "...затем этот пожар при сильном ветре перешел на густую траву, запыхал и подошел близко к их (куропаток) гнезду. Тогда куропатка с остальными птенцами в страхе улетела" [4, гл. 2, л. 96–10а]. В "Джатакамале" этому фрагменту соответствует следующее описание: "Постепенно пожар, словно подгоняемый вперед резким ветром, преследуя травы и лесные заросли, приблизился к гнезду перепелов. И вот молодые перепела, издавая беспорядочные, невнятные, исполненные ужаса крики, вдруг поднялись в воздух, каждый забыв думать о другом" [1, с. 154].

Еще более яркий пример из сказки о льве и дятле: "...Однажды, когда некий лев мучился и метался от болезни, к нему приблизился [бодхисаттва-дятел]. Увидев, что [лев] страдает от того, что кусок кости застрял [у него] в горле, [дятел] заставил льва раскрыть пасть, поставил палку в виде распорки между зубами, спокойно проник в горло и вынул ту кость. [Дятел] убрал распирающую рот палку, и лев очень возрадовался, избавившись от страданий" [4, гл. 2, л. 36–4а]. В "Джатакамале" это событие описывается намного подробнее: "...Он (дятел) увидел корчившегося от нестерпимо острой боли, словно пронзенного ядовитой стрелой, льва с грязной от пыли и растрепанной гривой.

Подойдя к нему, движимый состраданием, он спросил: "Что случилось, о царь зверей? Я вижу, что ты, несомненно, тяжело болен".

² А г н и́ — букв. "огонь"; в ведийской и индуистской мифологии — бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. Главный из земных богов, персонификация священного огня.

Лев рассказал: „О добродетельный, лучший из птиц! Мое недомогание вызвано не усталостью, не болезнью, не стрелой охотника. Кусок кости, застряв в горле, непрерывно терзает меня, как острие стрелы. Я не могу ни проглотить его, ни выплюнуть. Поэтому только друзья могут помочь мне. И если ты знаешь, как помочь, то сделай меня счастливым". Тогда Бодхисаттва, обдумав своим пронзительным умом способ извлечения этого острого осколка, взял палку, достаточную по размерам, чтобы вставить ее в виде распорки в пасть льва, и сказал ему: „Открой рот, насколько можешь". Тот так и сделал. Тогда Бодхисаттва, укрепив как следует палку между двумя рядами зубов, проник до основания его глотки. Взяв клювом торчащий поперек горла кусок кости за один конец и расшатав его, он схватил его с другой стороны и наконец вытащил. Вылезая, он выбросил палку, удерживавшую челюсти льва. Таким образом, Великосущный, избавив льва от страданий и радуясь всем сердцем, попрощался с ним и, выслушав его почтительную благодарность, отправился своим путем" [1, с. 318–319].

Компактность текста в "Букете..." обеспечивается не только за счет сокращения описаний. В джатаке "О дятле" некий лесной бог, возмущенный дальнейшим поведением льва, спрашивает у бодхисаттвы, почему он терпит несправедливость и не хочет наказать льва. На этот вопрос следует пространный ответ бодхисаттвы, в который включены восемь гатх и который можно свести к следующему: "Из сострадания, не из корысти поможет добродетельный в беду попавшему, и безразлично для него, поймет ли это тот. К чему же гнев здесь?" [1, с. 321]. В "Букете..." же весь диалог лесного божества и птицы-бодхисаттвы заменяется одним лишь вопросом этого божества, обращенным к птице: "Когда гадкий лев не только не помнит добро, но и насмеяется, Ты, несмотря на то что можешь, если захочешь, выколоть ему глаза и выхватить из пасти кусок мяса, почему из милосердия все это терпишь?" [4, гл. 2, л.4а-б]. Здесь включенное в вопрос слово "милосердие" одновременно является и ответом на него и, таким образом, избавляет составителя от необходимости приводить подробное рассуждение бодхисаттвы о благородстве, милосердии и праведных поступках.

Г.Ж.Дылгыров учитывал, по-видимому, специфику монгольской аудитории, не готовой к восприятию пространного повествования, насыщенного буддийскими философскими нравоучениями, и стремился к большей концентрированности текста. Он делал основной упор на развитии сюжета, освобождая его от присущих индийскому первоисточнику подробностей, не связанных непосредственно с его динамикой. В качестве примера можно сравнить сцены второй встречи дятла и льва в "Джатакамале" и в "Букете...". В джатаке "О дятле" говорится: "И вот однажды этот дятел летал повсюду, сияя блеском своих расправленных крыльев, и не смог нигде найти ничего пригодного для еды. Сжигаемый пламенем голода, увидел он того самого льва, наслаждавшегося

мясом недавно убитой молодой антилопы. С испачканными кровью пастью, когтями и гривой он был похож на осеннее облако, освещенное отблеском заката. Даже оказав когда-то льву услугу, он с неприятными словами просьбы к нему все же обратиться не посмел. И хотя он был в речах искусен, на этот раз егѣ заставила стыдливость дать обет молчанья. И все-таки, желая своего добиться, он стал прогуливаться с робким видом пред его глазами. Но негодяй, хотя следил за ним, не произнес ни слова приглашения. Как семя, брошенное на скалу, как жертва, вылитая на потухший пепел, иль как цветок на дереве видула, — такой же плод дает неблагодарному услуга, когда расплачиваться нужно.

Тогда Бодхисаттва, подумав, что нет, конечно, его не узнает, приблизился к нему, не испытывая никаких опасений, и попросил у него уделить что-нибудь, сопровождавая просьбу, по обычаям просителей, надлежащими словами благословения: „Да будет тебе благо, царь зверей, своей отвагой жизнь свою поддерживающему! Прошу тебя почтить просителя и увеличить тем свои заслуги и славу добрую”.

Но даже когда к нему обратились с такими приятными словами благословения, лев, чье поведение из-за его жестокости и себялюбия было недостойно благородного, посмотрел искоса на Бодхисаттву, словно желая испепелить его взглядом своих глаз, покрасневших от пламени гнева, и сказал: „Довольно! Достаточно того, что ты ушел живым, попавши в пасть ко мне, не знающему сострадания и пожирающему трепетных оленей. Ты снова оскорбил меня, своею просьбой беспокойя. От жизни, видно, ты устал и хочешь мир иной увидеть”.

Тогда его отказ, выраженный такими грубыми словами, вызвал чувство стыда у Бодхисаттвы, и он поднялся в небо. Он полетел своим путем, говоря ему шумом своих распростертых крыльев, что он — птица” [1, с. 320–321].

В "Букете..." эта сцена выглядит так: "Затем, однажды, когда тот дятел мучился от голода, не имея никакой пищи, он увидел льва, поедавшего мясо убитой антилопы. Когда [дятел] приблизился и попросил немного [мяса], жадный лев, забыв его прежнее благодеяние, рассердился и презрительно произнес грубые слова: „Эй ты! Подождика немножко! Тебе, бессовестному попрошайке, наверное, жизнь надоеда. Почему у других просишь?" Когда лев так сказал, униженная птица улетела" [4, гл. 2, л. 4а]. насыщенные эмоциональными подробностями описание поведения животных в "Джатакамале" превращается в "Букете..." в тезисное изложение сюжетной канвы, которое не отвлекает читателя (или слушателя) от основной идеи сказки.

Оценивая последнюю редакцию "Шастры „Букет белых лотосов" Г.Ж.Дылгырова, можно проследить, какой литературной обработке подвергались джатаки в процессе их переноса на "монгольскую почву". Те или иные изменения, вероятно, были продиктованы специфическими культурными запросами средневекового общества в Монголии. На фоне неприкосновенных канонических сочинений развивалась тра-

диция внедрения основных идей буддийского канона в массы, т.е. создавались произведения популярного буддизма. Они органично вошли в корпус монгольской художественной литературы. Именно последняя редакция Дылгырова — лаконичная, наглядная — получила самое широкое распространение среди монголов и бурят. Следовательно, это соответствовало этическим потребностям монгольского общества того периода. История создания исследуемого сборника сказок поможет нам проследить пути развития средневековой монгольской литературы.

1. *Арва Шура*. Гирлянда джатак, или Сказание о подвигах Бодхисаттвы. М., 1962.
2. *Балсохоева Н.Д.* "Нитишастры" в истории тибетской литературы. — Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980.
3. *Ёндон Д.* Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур (Тайилбури "Расийан-у дусул" Нагарджуны и "Субхашиты" Сакья-пандиты). Л., 1983 (в рукописи).
4. *Mergen teneg-i šinjilekü sayin nomlal čayan lingqus-un baylay-a kemegdekü šastir-ača... bölüg orošiba.* Ксилограф, Монг. фонд ЛО ИВ АН СССР, Н-54, Ех-1.
5. *Stein R.A.* Tibetan Civilization. Stanford, California, 1972.
6. *Tucci G.* The Religions of Tibet. Berkeley — Los Angeles, 1980.